
А. ОДЕРГОН

ВОЙНА И ИЗМЕНЕННЫЕ СОСТОЯНИЯ СОЗНАНИЯ: ПО ТУ СТОРОНУ ОБЫДЕННОГО

Перевод с английского

Издательство «Энигма» выпускает в свет русский перевод книги Арлин Одергон «Отель “Война”. Психологическая динамика вооруженных конфликтов». Автор – американский психолог и театральный режиссер – осмысливает длительный опыт работы в горячих точках планеты по смягчению, предотвращению, ликвидации последствий этнических конфликтов, организации переговоров и коллективных обсуждений, лечению психических травм, полученных участниками и жертвами этих конфликтов.

Часть IV книги посвящена анализу измененных состояний сознания. Одну из глав этой части (журнальный вариант) предлагаем вниманию читателя.

Прогулки

Однажды прекрасным теплым вечером в Хорватии сразу после ужина наша группа отправилась на прогулку вдоль морского берега. Небо над головой было полно звезд. Я беседовала с одним из участников форума, который уже присутствовал на наших предыдущих занятиях, и мне было приятно снова увидеть его. Я поинтересовалась его жизнью, и он немного рассказал мне о своей работе. Мы шли все быстрее и вскоре зашагали в молчании. Спустя несколько минут мы обменялись репликами по поводу того, как хорошо гулять, и он сказал: «После войны я все время ходил пешком. Это единственное, что спасало меня. Я прошагал многие мили. Когда наш город был атакован, я участвовал в сопротивлении и почти не спал. Ночами напролет я ходил и бегал по всему городу туда и обратно – встретить кого-то, передать сообщение, а вокруг рвались гранаты. Казалось, что они пролетают прямо у меня над ухом или сквозь меня, но не могут причинить мне вреда. Я не мог умереть. Я точно знал, что не могу умереть. Как будто я уже умер. Я чувствовал воодушевление, связь с чем-то большим, чем жизнь и смерть, с Богом. После окончания войны я впал в депрессию, такую же глу-

Историческая психология и социология истории 1/2008 121–132

бокую, каким приподнятым до этого было мое настроение. Все, чего я хотел – умереть и лежать в земле. Большинство моих друзей лежало в земле. Все, чего я хотел – присоединиться к ним».

Затем он продолжил: «Именно тогда я начал ходить на прогулки. Это был мой единственный способ не терять связи с жизнью и Богом. Я гулял изо дня в день – недели, месяцы и годы, – я прошагал сотни миль». Пока он рассказывал эту историю, мы продолжали идти, и я смотрела себе под ноги, внимательно слушая его рассказ. Оглянувшись назад, я увидела, что наши друзья заметно отстали.

Война выхватывает людей из повседневной жизни с какой-то мистической силой. Она не только прерывает течение жизни, приводит к ужасным потерям в семье и обществе, к потере жизненных целей и всего того, что когда-то имело значение для человека, но, кроме того, время от времени люди вступают в контакт с чем-то таким, что находится за гранью индивидуальной жизни. Некоторые ощущают присутствие духовной субстанции и чувствуют связь с неким смыслом, который существенно превосходит по значимости жизнь или смерть, – это вызывает восторг и даже пьянит. Каждая секунда отпечатывается в сознании с предельной ясностью. В гуще трагических и травмирующих событий войны может казаться, что весь остальной мир где-то очень далеко.

Измененные состояния сознания на войне

Измененные состояния сознания (*altered states*) – это такие состояния, при которых восприятие, эмоции, настроение и ощущения лежат за гранью того, что мы привыкли называть «нормой». Это в равной степени относится и к общественным «нормам», и к нашим личным. Если мы всегда подавлены, то внезапный подъем настроения можно считать измененным состоянием. Если кто-то все время пьян, то необычна трезвость. Измененные состояния также могут приоткрыть дверь в глубинные измерения нашей коллективной психики, где мы сражаемся с демонами и бесами, где мы ощущаем связь с бесконечностью и самим Творцом.

На индивидуальном и коллективном уровнях многие из нас чувствуют значимость проникновения в эти глубинные измерения жизни, что отражено в ритуалах и духовных практиках всех мировых культур. Для кого-то подобные опыты красной нитью проходят через всю жизнь, являясь постоянным источником ее смысла. Другие же почти не ощущают связи с чем-то запредельным или необычным. Зачастую лишь непосредственно перед наступлением смерти или столкнувшись со смертельно опасной ситуацией, люди

переживают такое смещение перспективы, как будто они наблюдают происходящее одновременно изнутри и извне и видят свою жизнь как часть бесконечной мировой истории.

Подобные явления могут пониматься как влияние архетипов на наше личное и коллективное развитие. Эти силы имеют множество проявлений, они фигурируют в мифах, сказках и религиозных притчах различных культур во всем мире. Нам нравится открывать чудеса жизни и принципы творения. Мы ощущаем вдохновение и создаем произведения искусства, сочиняем музыку. Нас охватывает жажда исследований. Наше стремление найти причину и смысл за пределами нашей повседневной идентичности, превзойти рамки Эго и ощутить связь с бесконечностью, наши преданность и способность быть частью общества – все эти великолепные проявления человечности в то же самое время могут использоваться для того, чтобы спровоцировать нас на участие в войнах и насилии.

«Зов из потустороннего» затрагивает наши самые глубокие чувства. Мы готовы забросить свою повседневную жизнь, чтобы осуществить нечто жизненно важное, что может оказаться нашим психологическим и духовным призванием и связано с выходом за узкие рамки повседневной идентичности, а также с опытом прикосновения к целостности и даже бесконечности. Если мы не до конца осознаем эти тенденции, то нашу склонность к «измененным состояниям» очень легко эксплуатировать, ибо она открывает нам путь прочь от обыденного к чему-то удивительному и экстраординарному.

Во имя Бога

Эта тенденция эксплуатируется не только скрытым образом. Во все времена религия играла в войнах ключевую роль. Мы призываем к насилию во имя духовности, во имя Бога. Религиозные организации всегда практиковали насилие как в отношении своих адептов, так и против своих врагов – реальных или воображаемых. Люди обращаются к Богу для оправдания насилия, точно так же как они обращаются к Нему ради обоснования своего сопротивления или для того, чтобы примириться с разрушениями и потерями (Bartov, Mack 2001¹).

¹ В этом сборнике очерков описано активное участие религиозных организаций в тандеме с государством в массовом уничтожении армян, евреев, геноцидах в Руанде и Боснии.

От своих вождей мы ожидаем подтверждения нашей связи с некой высшей причинностью. Лидеры мобилизуют нас, а мы мобилизуем лидеров. Войну питают самые священные и чудесные аспекты нашей жизни. Мы горячо жаждем, чтобы великая мечта и любовь сообщества подняли и понесли нас вперед. Нами движут преданность и способность приносить в жертву свои любовь, преданность и радость единения. Нами движет поиск особой цели и чего-то более важного, чем сама жизнь.

Опьянение «могуществом»

Победа сладка, и она опьяняет нас. Я вспоминаю коллег из Хорватии: в 1995 году они праздновали взятие хорватской армией тех областей, которые в 1991 году были завоеваны сербами. Тогда, в 1991 году, при проведении «этнических чисток» произошли ужасные зверства. В 1995 году ситуация повторилась с точностью до наоборот. Сербов убивали и насильственно изгоняли из региона. Эмоциональное воодушевление, сопровождавшее победу хорватов в 1995 году, не позволяло людям трезво оценивать жестокости, совершаемые теперь их собственной стороной.

В войне 1967 года в Израиле израильтяне не только отстояли свою землю, но и заняли новые области, которые с тех пор носят название «оккупированных территорий». Люди ликовали. После длительного периода враждебности по отношению к евреям, которая вылилась в ужасы Холокоста, возникло чувство восстановленной справедливости, всеобщего подъема, возврата на «землю обетованную» – не просто борьбы за существование, но обретения давно утраченного «дома». «Измененное состояние» победы не позволило израильтянам разглядеть сложное положение палестинцев и те проблемы, к которым эта «победа» приведет.

Интифада черпала свой потенциал в тех измененных состояниях сознания, которые возникают из ощущения новых возможностей, свободы и силы. Дух сопротивления укрепляется благодаря чувству связи с высшим смыслом, который находится за гранью этой полной страданий жизни, за гранью жизни и смерти. Кто-то празднует осуществление жестокого террористического акта, несмотря на всю его бесчеловечность, несмотря на непременно следующие за этим санкции израильской армии и новый цикл насилия. Одна из причин этого – необычное состояние опьянения, связанное с ощущением могущества и того, что ты осуществил возмездие. Даже мимолетные чувства подобного рода нельзя

недооценивать, так как они помогают людям мечтать о светлом будущем.

Волнующее чувство победы, свободы и могущества разжигает огонь, лишает нас способности думать о последствиях, не говоря уже о том, чтобы сочувствовать противоположной стороне. Пропанганда раздувает этот огонь, а также намеренно и явно эксплуатирует подобные измененные состояния сознания.

Паря на крыльях высокого мифа

Попробуйте затронуть «высокий миф»² человека, и вы поймете, что так можно пробудить или, наоборот, уничтожить его волю к жизни и веру в человечество. Кроме того, таким образом можно вызвать патриотические чувства, националистический гнев и желание убивать.

С «высоким мифом» мы чувствуем себя на вершине мира и ликуем. Он делает нас уверенными в себе, почти всемогущими, неуязвимыми, мы готовы всем сердцем отдаться правому делу, но при этом снижается наша способность видеть контекст происходящего. Если вы когда-нибудь влюблялись, то, возможно, помните себя в состоянии «высокого мифа», опьяненным тем, что ваша мечта сбылась. Наконец-то, идеальная пара! Выражение «любовь слепа» удачно описывает высокий миф. Мы видим совершенство и не способны разглядеть прыщики и прочие недостатки нашего партнера – пока что. Но так и должно быть. Мечта помогает нам установить связь с тем, что выходит за рамки нашего обыденного мира и наших привычек, и если нам повезет, мы найдем взаимную любовь на долгие годы.

Наш высокий миф ведет нас за собой и придает нашей жизни смысл, но в то же время, когда мы находимся в состоянии высокого мифа, мы редко ведем себя в соответствии со своими идеалами. Напротив, мы как будто впадаем в ступор, и нас легко одурачить как в личной, так и в общественной и политической жизни. Из-за доверия к высокому мифу многие люди начинают верить всему, что им говорят, без рассуждений или рефлексии.

Притяжение низкого мифа

Высокий миф может упасть и разбиться о то, что кажется нам ужасной реальностью. Мы впадаем в отчаяние, нам горько, и мы

² Термины «высокий миф» и «низкий миф» (*high dream, low dream*) используются в процессуально ориентированной психологии Арнольда Минделла.

чувствуем безысходность. Мы убеждены, что к лучшему уже ничто не изменится.

Проснувшись однажды утром, мы обнаруживаем, что партнер больше не выглядит как отражение наших фантазий. Это может стать началом настоящих отношений вместо игры с высоким мифом, но подобное пробуждение и столкновение с реальностью иногда связано с большими сложностями.

Состояние «низкого мифа» бывает очень трудно выносить, но в то же время оно необъяснимым образом притягивает нас. Мы впадаем в экзистенциальную депрессию, нас охватывает чувство безысходности, страсть к покаянию, или же мы теряем силы, становимся «холодными» ко всему. Мы чувствуем беспокойство, нам может казаться, что нас поймали в ловушку. «Низкий миф» также часто используется в политике и на войне.

Когда мы чувствуем себя сопричастными к происходящему, наш высокий миф делает возможным все. Когда мы чувствуем себя отверженными, приходит «низкий миф». Молодые люди, которые чувствуют, что общество отвернулось от них, становятся жертвами низкого мифа, но жизнь молодежных банд пробуждает в них высокий миф и чувство принадлежности. Привилегии также могут способствовать возникновению чувства разобщения с людьми. Настроение безысходности, оцепенение или серьезная депрессия характерны для оторванных от общества подростков из привилегированных семей, которым незнакомо чувство ответственности. В США были случаи, когда подростки впадали в ярость и расстреливали своих одноклассников и учителей. Они ассоциировали себя с безысходностью и манией, готовые умереть и убивать других³. В течение всей истории человечества по всему миру низкие и высокие мифы молодежи и даже детей использовались для того, чтобы отправлять их на войну.

Патриотизм и поддержка террористов

Чувство безысходности может обернуться приверженностью некоему большому делу, хорошему или плохому, готовностью отдать за него свою жизнь. Террористические акты, особенно взрывы самоубийц, произрастают из причудливого сочетания низкого и высокого мифов человека и его политической страсти.

В США ужасные события 11 сентября привели не просто к волне страха, возмущения и печали, но и к сплочению общества,

³ The Columbine shootings, April 1999, in Colorado, USA.

стремлению объединиться и высоко поднять свое знамя. Хотя большая часть мира была шокирована и выражала свои соболезнования, были и такие, кто впал в состояние высокого мифа, связанного с новой возможностью поразить политическую и экономическую систему США в самое сердце, хотя бы символически.

Национализм

Единство культуры

Национализм – это политический принцип, согласно которому основным связующим фактором в обществе является культурное единство (Gellner 1998). В радикальной версии национализма единство культуры становится необходимым и вместе с тем достаточным условием для полноправного включения человека в ту или иную общность; лишь представители соответствующей культуры имеют право принадлежать к этой общности, и все они обязаны к ней принадлежать. Дальнейшим шагом становится ликвидация всех прочих. Для понимания того, как зарождаются националистические движения, очень важно учитывать роль высоких чувств в подобных процессах.

То, что «нация» – это принадлежность к определенной культурной или этнической группе, преподносится как «факт». Как было описано в Частях 1, 2 и 3, исторические несправедливости и травмы могут использоваться, чтобы спровоцировать страх и возмущение, и при этом другие группы будут подвергаться демонизации, дегуманизации и обвиняться во всех проблемах сообщества. Все эти компоненты подогреваются нашими глубочайшими чувствами, связанными с самоопределением, чувством дома и родной земли и с нашей любовью к сообществу. Националистические движения рождаются и существуют благодаря тому, что мы эмоционально их поддерживаем.

Самоопределение и гордость

Национализм возникает в связи с потребностью в самоопределении, потребностью избавиться от гнета и угроз нашему существованию. Мы хотим выживать, процветать, отстаивать свою идентичность и автономию. Мы хотим иметь чувство собственного достоинства и гордиться своей культурой, историей и будущим. Мы хотим ощущать, что для нас есть место на этой земле и мы имеем право жить согласно своей природе как на индивидуальном, так и на коллективном уровне. Когда мы лишаемся этого права на без-

опасность и самоопределение, нам становится не по себе и мы не можем этого стерпеть.

Дом и земля

Мы жаждем спокойствия, хотим чувствовать себя «как дома». Ощущение надежной опоры появляется у людей благодаря тому, что соблюдаются основные права человека, связанные с безопасностью и включенностью в сообщество. Этому также способствует ощущение связи со своей историей, со своим опытом. Мы видели, как травма может разрушить эту душевную опору – в индивидуальных случаях и у целых сообществ. Когда мы возвращаем эту связь со своей личной историей и историей своего общества, может возникнуть чувство возвращения «домой». Чувствовать себя «как дома» помогает также связь с духовным источником, и некоторые люди везде чувствуют себя как дома. Для кого-то это ощущение связано с природой или с определенным местом. Любовь к природе и родной земле глубоко укоренена в наших душах. Некоторые из нас воспринимают родные места как собственное тело или тело матери. Разлука со своей страной может восприниматься как утрата своего тела, утрата матери или контакта с жизнью. Чувство дома может быть связано с ощущением своего тела, его глубоких, едва различимых импульсов и ритмов, источника бытия и влечения к жизни.

Национализм зачастую связан со стремлением обладать исторической территорией, которое будит поэтический, духовный и сентиментальный голод. Недостаточно осознанное отношение к земле, к особой связи с землей нас самих и других людей приводит к мучительным конфликтам, к эксплуатации территории и друг друга.

Жажда принадлежности сообществу

Чувство принадлежности сообществу определяет наше участие в его делах. В то же время, когда мы не осознаем нашего стремления принадлежать сообществу, его могут легко использовать для разжигания войны. Мы легко заражаемся романтизмом и сентиментальностью. Снайперы напевают народные мотивы и песни о любви.

Важно подчеркнуть, что те наши качества, которые так легко использовать в жестоких целях, не сами по себе уводят нас в сторону национализма, отвержения инородцев или геноцида. Чтобы это произошло, кто-то тщательно, неукоснительно и систематически манипулирует этими нашими свойствами.

Основной ингредиент: наивность

В ходе националистических кампаний и этнических чисток бандиты и преступники становятся героями войны. На Балканах боевики действовали в тесном сотрудничестве с государством. В нацистской Германии хулиганы в коричневых рубашках помогали Партии обеспечивать послушание, терроризируя население.

Тем не менее одной лишь грубой силы недостаточно. Чтобы процесс пошел быстрее, проще и эффективнее, необходима существенная доля наивности. Поэтому в первую очередь часто осуществляется работа с молодежью. В 30-е годы молодежное движение нацистов вызывало большой энтузиазм у юного поколения. Оно насаждало позитивные ценности и дисциплину, используя в своих целях дух единства и преданности. Крайне правые и сторонники превосходства белой расы в Европе и США до сих пор обращаются со своими пропагандистскими посланиями именно к молодежи.

Чтобы бороться за националистические идеи, требуются юные наивные умы. Конечно, не все молодые люди наивны, и наивна бывает не только молодежь. Слово «юный» употребляется здесь скорее символически, но оно не становится от этого менее актуальным. Пробудившись от своей наивности, мы могли бы предотвратить многие вооруженные конфликты. Пробуждение подразумевает осознание этих «юношеских» черт в каждом из нас.

Ум новичка

Можно сказать, что наивность рождается из сочетания высокого мифа и недостатка сознательности. Но у наивности есть близкий родственник – такое качество, как «ум новичка». Этот термин используется в буддистской философии. «Умом новичка» обладает исследователь, открытый для восприятия того, что лежит за пределами его теории или парадигмы. Этим качеством обладают оригинальный художник и духовный практик с открытым сердцем. Это качество дает людям способность в тот или иной момент сменить свою позицию и посмотреть на вещи с противоположной стороны. Данное качество позволяет нам нарушить некий статус-кво и не плыть по течению.

Жертвоприношение

Понятие жертвы связано со способностью отказываться от своих первоначальных мнений. Принесение в жертву подразумевает отказ от привычной идентификации или права на собственность.

В философии индуизма жертвоприношение является ключевым моментом при поиске контакта с источником творения. «Чтобы получить творческий импульс, необходимо принести себя в жертву, тогда Дух сможет проявить все свое богатство и могущество во внутренней жизни человека» (Бае, Shamal 2001: 10). В индийской религии и мифологии Ганеш (бог с головой слона) считается владыкой всех начинаний. Он пребывает в той точке, где мы расстаемся со старой реальностью и вступаем в новую жизнь, в новые врата восприятия. Он находится между прошлым и будущим и помогает свершиться изменениям во всех необычных ситуациях, с которыми мы сталкиваемся в нашей жизни. Богиня Кали выступает в качестве разрушительного аспекта времени. Она разрушает мирскую сторону сознания, что позволяет взглянуть на мир по-новому (Бае, Shamal 2001: 57). Церемонии принесения в жертву, включая символические подношения, также призваны наладить связь с бесконечным. Пожертвовать собой означает радикально обновить свою личность за счет трансформирующего прикосновения божественного.

Какими бы ни были наши личные верования или религиозная принадлежность, наша способность приносить себя в жертву связана с наиболее важными переживаниями человечества. Индуистская религия учит тому, что через самопожертвование и работу во имя Бога человек может преодолеть путы этого мира иллюзий. В буддизме, как и в индуизме, термином «сансара» обозначаются вовлеченность в бесконечно повторяющиеся циклы конфликтов, а также заблуждения человека, утопающего в подобной привязанности. Связь с божественным задействует творческую энергию, которая способна остановить и разрушить этот круговорот. В христианской религии ценится самопожертвование и способность отдать свою жизнь во имя высшей цели. Ислам также отдает должное жертве на благо общества и во имя будущего. Независимо от религии конкретного человека, медитация и молитва являются актами предания себя божественной силе, что раскрывается в символике ритуальных «подношений».

Самопожертвование может стать ключевым моментом на пути личностного и духовного развития. Тем не менее человеческая душа очень легко попадает под власть «высокого мифа» духовности: мы утрачиваем чувство личной ответственности и одурманиваем себя вместо того, чтобы развивать в себе сознательность. Чогьям Трунгпа описывал преданность целям и результатам духовной рабо-

ты, а также сопутствующие этой преданности настроения как «духовный материализм» (Trungpa 2002). Многие ситуации требуют особенно сознательного отношения. В терапевтической работе или во взаимоотношениях учителя и ученика важно быть очень внимательными.

Наша преданность и способность жертвовать собой может выражаться в форме привязанности к определенной группе, в верности духовному вождю, политическому лидеру или идеологии. Наша врожденная склонность быть верными и приносить себя в жертву является великим даром, который слишком легко эксплуатировать. Националистические лидеры могут рассчитывать на эту склонность и зависеть от нее, призывая к абсолютной преданности.

Преданность и любовь на войне

Если вы спросите у людей, каковы психологические и эмоциональные факторы, заставляющие нас участвовать в войнах, они будут называть такие явления, как ненависть, предрассудки, злоба и агрессия. Однако важнейшими компонентами войн являются преданность и любовь. Преданность своей стране развивается из способности чувствовать себя частью коллектива, заботиться о чем-то много более важном, чем личное выживание.

Степень любви солдат друг к другу не уместается в рамки товарищеских и дружеских взаимоотношений. Шэй приводит слова ветерана вьетнамской войны: «Я превратился в курицу-наседку. Это было примерно так: “Давай, давай, давай, скорей сюда, бежим! Теперь пригнулись все! Отлично, держимся. Теперь на землю – лежи, черт возьми, не волнуйся! Спокойно, ребята!” Это твердо вошло в привычку. Я смотрел на остальных пятерых парней как на собственных детей» (Shay 1994: 49).

Шэй пишет: «Среди мужчин, которые сражаются плечом к плечу, боевая ситуация вызывает к жизни страстную заботу друг о друге. Ее можно сравнить разве что с самыми ранними и глубокими чувствами по отношению к близким родственникам. Мы часто слышим, что гибель некоего однополчанина сломала жизнь выжившему, и его судьба безнадежно разделилась на периоды до и после гибели товарища» (Ibid.: 39).

Связь между солдатами в бою чрезвычайно сильна – солдаты зачастую ценят жизнь своих товарищей выше собственной и опасаются потерь среди друзей больше, чем собственной гибели. Го-

товность к самопожертвованию является неотъемлемой частью любого сражения. Чувство любви и та преданность, на которую мы способны, готовность погибнуть за другого человека – все это является прекраснейшей стороной нашей человеческой природы, и именно она используется для того, чтобы посылать мужчин и женщин на войну.

Перевод К. Н. и П. Н.

Литература

Бае, Ж. Н. (text), Шамар, И. (artwork) 2001. *In the World of Gods and Goddesses: The mythic art of India Shamar* (p. 10). Novato, CA: Mandala Publishing (or www.mandala.org).

Bartov, O., Mack, P. (eds.) 2001. *In God's Name*. New York: Berghahn Books.

Gellner, E. 1998. *Nationalism* (p. 3). London: Phoenix.

Trungpa, C. 2002. In Sakyong, M., Baker, J., Casper, M. (eds.), Eddy, G. (illustrator), *Spiritual Materialism*. Boston, MA: Shambhala Publications.

Shay, J. 1994. *Achilles in Vietnam* (p. 49). New York: Touchstone Books.